

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА: ШАНСЫ И РИСКИ

Р.С. Гринберг*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – открытый интеграционный проект, который должен заработать с 2015 г. Его участники – Россия, Беларусь и Казахстан – пришли к этой форме интеграции не сразу. Если цели СНГ носят в основном декларативный характер и интеграция в рамках СНГ проводилась методом «проб и ошибок», если Таможенный союз связан с первыми шагами экономической интеграции, но его действия носят не всегда прозрачный характер для всех участников, то ЕАЭС, как региональный проект, может быть ориентирован на создание союза суверенных государств с единым экономическим, политическим, гуманитарным, военным и таможенным пространством, т. е. интеграцию на институциональном уровне. Реальность для бывших стран СССР такова, что они по уровню индекса человеческого развития (ИЧР) пока серьезно отстают от успешных экономик. Решить эту проблему должны программы совместной модернизации, поддержки науки и инновационного развития. Это единственно возможный путь преодоления социально-экономических барьеров и успешного движения с учетом рисков глобального мира.

Ключевые слова: Таможенный союз, интеграционные императивы, Евразийский союз, инновации, устойчивое развитие, экономическая модернизация.

JEL-классификация: F13, F22, F36, F53.

В последнее время наблюдается существенное продвижение в реализации интеграционных планов на постсоветском пространстве. Фактически была выработана обновленная концепция евразийской интеграции применительно к новым геополитическим и геоэкономическим условиям и начата ее поэтапная реализация с наиболее подготовленными партнерами из числа стран СНГ. 2010–2012 гг. можно с полным основанием назвать периодом интеграционного рывка. В очень сжатые сроки был создан Таможенный союз (ТС) России, Беларуси и Казахстана (2010 г.), а с 1 января 2012 г. началось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП). Впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции, наделенные наднациональными функциями регулирования интеграционного процесса. Появилась конкретная перспектива – создание к 2015 г. Евразийского экономического союза.

Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует уточнения ряда положений интеграционной концепции, устранения имеющихся перекосов и дисбалансов.

Согласно общепризнанной теории, эффективность региональной международной интеграции в решающей мере зависит от степени координации ее двух нуждающихся во взаимном дополнении самостоятельных процессов. В первом случае речь идет о так называемой негативной интеграции, а во втором – о позитивной. Здесь замечу, что оба определения употребляются исключительно в нейтральной коннотации, т. е. не носят ценностного характера. Просто под негативной интеграцией понимается процесс сокращения и отмены всяческих ограничений во взаимных хозяйственных от-

* Гринберг Руслан Семенович (grinberg@inecon.ru), директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук (г. Москва, Россия).

ношениях стран, вступивших в тот или иной региональный союз. Это значит, что, вступив туда, все они обязуются постепенно или одномоментно уничтожить все барьеры на пути взаимного движения в его границах товаров, услуг, капиталов и людей. Что же касается позитивной интеграции, то здесь речь идет о согласовании государственных действий стран – членов регионального союза в его общих интересах. И если один процесс «пошел», а второй начался только в риторике, то мы в действительности имеем чисто «бумажную» интеграцию, что, собственно, и произошло с Содружеством Независимых Государств.

В СНГ с самого его рождения «присутствовала» негативная интеграция как естественное следствие «шокового» распада СССР. А вот позитивная осталась, в сущности, только на бумаге, если не считать регулярные ритуальные заклинания по поводу «нерушимости нашего единства».

Тем не менее неудача с реализацией проекта СНГ вовсе не ставит под сомнение необходимость создания на постсоветском пространстве интеграционной группировки, в которой Россия могла бы играть роль локомотива. Но для этого она сама должна измениться, стать привлекательной для стран-членов, превратиться в важнейший фактор их внутреннего развития. Исторически решение задачи по налаживанию интеграции на постсоветском пространстве крайне осложнено, становится для России затратным и длительным процессом. Но другого выбора у нее нет. Если исходить из того, что чисто экономические аспекты интеграции при определенных условиях перспективны, то здесь нет никакой альтернативы российской щедрости. Москва не должна быть скрягой и бороться за каждый рубль или доллар в своих действиях, газовых или негасовых войнах. Если Россия действительно хочет консолидировать постсоветское пространство, то у нее нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане – это потери, в долгосрочном – однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России.

Замечу, что в научной среде давно идет дискуссия о влиянии интеграции на

экономический рост. Априорно считается, что чем выше степень взаимного притяжения, тем выше темпы экономического роста. При этом, как правило, ссылаются на самый успешный интеграционный проект в мире – Европейский союз. Впрочем, оппоненты обращают внимание на другие факты. Например, в Швейцарии или Норвегии, в странах, не являющихся членами ЕС, показатели экономического роста и уровня жизни выше, чем в большинстве государств Евросоюза.

Как бы то ни было, для успеха интеграционного процесса необходима некая минимальная численность социума, живущего и действующего в рамках единого экономического пространства. Скажем, Китай при численности около 1,3 млрд чел. не нуждается ни в каких интеграционных блоках. Индия тоже не нуждается. Люксембург же, по определению, нуждается. То есть речь идет о том, что эффективная интеграция может быть организована только на соответствующей территории единого экономического пространства, где не существует никаких перегородок, а население составляет 200–250 млн чел.

В России в этом отношении ситуация не очень благоприятная, поскольку 140 млн чел. – это ни то, ни сё. Это не Люксембург, который, по определению, должен быть включен в интеграционный проект, и не Китай, который не нуждается в экономии на масштабах, так как его собственные масштабы уже создают основы для эффективного крупносерийного производства.

Далее, объединяющиеся страны непрочь порассуждать о теоретической и практической «ловушке»: кто кого кормит? Сегодня на эту тему ведутся страстные дискуссии в Европейском союзе. Я же вспоминаю конец 80-х годов, когда многие рассуждали по поводу того, что у России не очень благоприятное положение в Советском Союзе из-за заниженных цен на сырье и чем быстрее мы разойдемся, тем лучше. Конечно, это было фатальной ошибкой.

Такой же ошибкой стало «ложное ожидание» российской политэлиты в отношении бывших советских республик. В конце 80 – начале 90-х годов доминировала идея, что без «стран-сателлитов» легче интегрироваться в мировую экономику в ка-

честве субъекта. Я назвал ее «теорией экономической обузы». Принято было считать, что Россия как более развитое государство быстрее устроится на «солнечной стороне улицы» без бывших братьев и сестер. А если не получится, должна сработать «теория приползания». Иначе говоря, в команде Ельцина была иллюзия, что свежее испеченные независимые государства не состоятся и, стало быть, рано или поздно вернутся под крыло России.

Вскоре отчетливо обнаружилось, что обе установки оказались ложными. Несмотря на огромную социальную цену рыночных преобразований и мучительное становление собственной государственности в новых государствах, ни одно из них не утратило своей независимости и суверенности. При этом надо иметь в виду, что изначально каждая республика стремилась перейти из «второго мира» в первый, но это намерение нигде не увенчалось успехом. Вместо того чтобы перейти в первый мир, многие из них оказались под угрозой скатывания в третий, а некоторые уже оказались там в результате демодернизации общества и примитивизации экономики.

Формирование более или менее адекватной оценки экономических и социальных результатов системных преобразований в странах постсоциалистического мира не тривиальная задача, несмотря на наличие весьма обширной литературы по этому вопросу. Слишком велико здесь влияние чисто идеологических мотивов в интерпретации прошедших перемен. Не вдаваясь в подробности данной проблематики, заслуживающей специального обсуждения, замечу только, что я, как и многие другие эксперты по постсоветской тематике, предпочитаю оценивать результативность перемен в бывших республиках СССР по сконструированному в ООН индексу человеческого развития (ИЧР), учитывающему три основных параметра – образование, продолжительность жизни и валовый внутренний продукт на душу населения.

Сопоставление динамики ИЧР в новых независимых государствах за период с 1991 по 2012 г. наводит на грустные размышления. Ведь только Эстонии удалось переместиться с 35 места в мире на 33. А все остальные постсоветские страны явно проиграли.

У России было 37-е место, сейчас 55-е. На Украине этот индекс вообще катастрофически снизился: с 45-го до 78-го места. Что уж говорить о странах Центральной Азии?

Тем не менее даже при самой глубокой экономической рецессии и деградации социальной сферы новые политические элиты сумели сохранить контроль над обедневшим населением, правда, ценой отказа от только что родившихся демократических институтов, инициированных горбачевской перестройкой. И дело здесь не только в восстановлении авторитарных порядков в интересах сохранения новой власти. Крах установки на «приползание» коренится также в том, что в отличие от России, испытавшей двойной удар от радикальной системной трансформации – обвальное снижение уровня жизни плюс моральный дискомфорт от распада СССР, – в остальных новых государствах весьма ощутимые материальные потери от реформ если не в полной, то в значительной мере компенсируются очевидным приобретением в сфере национального самосознания, т. е. законным чувством гордости по поводу приобретения независимости и участия в становлении нового государства.

Теперь о некоторых перспективах и задачах интеграционного проекта. Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует исправления выявившихся перекосов и дисбалансов.

В документах и в прессе уже появились разночтения по поводу конечной цели евразийского интеграционного проекта. Речь идет то об «экономическом союзе», то о «Евразийском союзе», соответственно происходит частая подмена аббревиатуры ЕАЭС на ЕАС. Так что же намечается создать к 2015 г.? *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)* – это экономическая группировка ряда стран или прообраз нового государства? В информационных материалах, освещающих последние решения в рамках ТС и ЕЭП, можно даже встретить такую дефиницию: «Евразийский союз – проект конфедеративного союза суверенных госу-

дарств с единым экономическим, политическим, гуманитарным, военным и таможенным пространством». Неопределенность конечной цели дает многочисленные поводы для противников проекта говорить об имперских амбициях России, о «советизации» региона СНГ, о начале восстановления подобия бывшего СССР.

В этой связи важно иметь в виду три существенных обстоятельства. Первое – участие в ЕАЭС не несет в себе угрозу потери постсоветскими государствами обретенного суверенитета. Наоборот, такое участие укрепляет их международную правосубъектность и экономическую безопасность, усиливает переговорные позиции с более сильными мировыми игроками именно в составе интеграционной группировки.

Второе – в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках интеграционного союза, так как вновь наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение собственных проектов организации постсоветского пространства самыми мощными субъектами современной мировой политики (Программа «Восточного партнерства» ЕС, Проект «Нового шелкового пути» США, китайская «политика добрососедства»).

Наконец, третья, ЕАЭС – вовсе не способен отгородиться от остального мира, а метод усиления глобальной конкурентоспособности каждой из стран на основе коллективного взаимодействия в мировой экономике и политике. Как известно, зарубежные противники евразийской интеграции обычно утверждают, что Россия ведет партнеров к новой изоляции и создает на пространстве СНГ «заповедник экономической отсталости и авторитарных режимов». В ответ на это следует разъяснить, что истинное намерение ЕАЭС – создание в перспективе единого экономического пространства с Евросоюзом и странами АТР.

Функционирование ТС на первом этапе положительно сказалось на внешней и взаимной торговле России, Беларуси и Казахстана (на объемах и товарной структуре), что в целом свидетельствует об эффек-

тивности *созданной интеграционной группировки*. Однако произошедшие сдвиги представляли собой так называемые временные эффекты интеграции, которые наступают сразу после формирования интеграционной группировки. Первоначально наблюдается всплеск активности в хозяйственном взаимодействии ее стран-членов, а затем заметное снижение темпов роста.

Так, в 2011 г. общий объем экспорта России в страны ТС возрос на 32,9%, Беларуси – на 45,7, Казахстана – на 18,4%. В целом, для ТС он увеличился на 33,9%, а в 2012 г. – всего на 8,7%. При этом экспорт России в страны ТС возрос на 9,4%, Беларуси – на 12,6, тогда как Казахстана – сократился на 3,7%.

Наибольшее воздействие формирование ТС и ЕЭП оказало на внешнеторговый оборот Беларуси в результате договоренности об отмене Россией экспортных пошлин на нефть и перечисления экспортных пошлин на экспортируемые ею за пределы единой таможенной территории нефтепродукты в российский бюджет. Следствием этого стал резкий рост белорусского производства и экспорта нефтепродуктов и продукции нефтехимии, начиная с 2012 г.

Для Казахстана эффекты создания Таможенного союза во внешней и взаимной торговле оказались неоднозначными. В 2010–2011 гг. наблюдался определенный рост импорта Казахстана из России и Беларуси, а в 2012 г. начал сокращаться его экспорт в эти страны, что стало отрицательно сказываться на внешнеторговом балансе. Пока явным эффектом интеграции для Казахстана оказался рост доходов от транзита вследствие того, что теперь товарные потоки из Китая на единую таможенную территорию идут через казахстанские, а не российские таможенные посты.

Важность Таможенного союза для России во многом определяется тем, что она реализует на общем рынке ТС более трети всей экспортной машиностроительной продукции. Темпы прироста взаимного товарооборота со странами ТС в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом превышали аналогичный показатель для третьих стран в 2,6 раза, темпы прироста экспорта – в 2,1 раза, а импорта – в 3,8 раза. Очевидным преимуществом ин-

теграции для России стало изменение структуры взаимных поставок. В частности, увеличилась доля продукции с высокой добавленной стоимостью и сократилась доля топлива и сырья. В 2011–2012 гг. в российском экспорте в страны ТС–ЕЭП удельный вес минеральных продуктов снизился с 52,3 до 49,7%, а машин, оборудования и транспортных средств возрос с 14,2 до 16,2%.

Увеличение экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью в пределах региона может стать первым шагом к расширению ее продаж в глобальных масштабах. Экспортный потенциал, накопленный в рамках ТС–ЕЭП при низких тарифных и нетарифных барьерах, повышает шансы для последующей экспансии группировки на рынки третьих стран посредством взаимной производственной кооперации.

Словом, первые результаты функционирования ТС показали, что масштаб и характер эффектов интеграции для каждой страны-участницы могут существенно различаться. Здесь, по-видимому, потребуется сформировать соответствующие механизмы выравнивания между странами временных выгод и потерь.

Устойчивое развитие евразийской интеграции невозможно без совместных действий по модернизации экономик ее участников. Общей острой проблемой постсоветских государств после двадцати лет суверенного существования стала нарастающая примитивизация структуры их народных хозяйств. Всем им приходится иметь дело с устаревшей технико-технологической базой экономики, значительно ослабленным за годы реформ ее научным и кадровым потенциалом. Первоначальные надежды новых независимых государств на модернизационные скачки с помощью третьих стран, как правило, не оправдываются. Автономные попытки экономической модернизации слабо связаны с активизацией евразийских интеграционных процессов. При этом модернизационная политика сводится в основном к технологическим заимствованиям из других стран, нацелена главным образом на импортозамещение и, как правило, не идет дальше «отверточного» производства. Обнаружилось, что приток зарубежных технологий в постсоветские государства, хотя и может способ-

ствовать модернизации отдельных отраслей, как правило, не ведет к технологическому обновлению экономик в целом, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся за их пределами.

В этой связи во многих постсоветских государствах зреет понимание того, что остановить процессы примитивизации и деиндустриализации национальных экономик можно лишь общими усилиями в рамках коллективной промышленной политики. И совершенно очевидно, что только Россия может стать инициатором ее разработки, выдвигая тезис о необходимости перехода к инновационной экономике как цели развития общего интеграционного пространства. Располагая наиболее крупной экономикой и инновационной сферой и учитывая в полной мере возможности и интересы партнеров по постсоветским объединениям, именно она должна сыграть решающую роль в проведении согласованной модернизации.

Здесь, по-видимому, потребуется коллективная разработка концепции такого пространства, в которой были бы четко обозначены желаемая структура экономики в Евразийском союзе, инструменты ее формирования, а также этапы и сроки реализации.

Так или иначе, странам – участникам интеграционных проектов предстоит уделить особое внимание согласованию национальных приоритетов в научно-технической сфере, а также формированию общими усилиями «технологических коридоров», в рамках которых глобальная конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики будет достигаться преимущественно за счет технологий, разработанных внутри интеграционного пространства.

Для решения этих задач представляется целесообразным:

- разработать межгосударственные целевые программы инновационного развития и определить порядок их финансирования;
- внедрять на двусторонней и многосторонней основе институциональные и финансовые механизмы поддержки и реализации научных исследований и инновационных проектов;
- формировать трансграничные инновационные цепочки, позволяющие реали-

зовывать принцип добавленных инноваций, когда инновации, созданные в какой-либо стране интеграционного объединения, дополняются и совершенствуются в других странах данного объединения;

- улучшить условия для инновационного бизнеса, обеспечить защиту интеллектуальной собственности малых и средних предприятий, ускорить принятие согласованных, а затем и единых технических стандартов;

- разработать нормативно-правовую базу, регулирующую распределение доходов и межгосударственной собственности в виде материальных и нематериальных активов, полученных в ходе реализации совместных инновационных проектов.

В заключении еще раз вернусь к российской политике в евразийском регионе. Судя по всему, странам – членам интеграци-

онного блока предстоит запустить процессы расширенного воспроизводства в основном на базе собственных ресурсов и внутреннего спроса при одновременном сохранении и даже расширении хозяйственного взаимодействия с остальным миром. Контрпродуктивным в этой связи является частое противопоставление политики модернизации России ее курсу на консолидацию постсоветского пространства. На самом деле обе установки не антагонистичны. С позиций истинных интересов страны, безальтернативен подход, в соответствии с которым национальные и интеграционные действия в области экономической модернизации должны взаимно дополнять, а не исключать друг друга. Только общими усилиями можно преодолеть периферийный характер евразийского региона и предотвратить его сползание в зону «технологического захолустья».

FORMING EURASIAN UNION: CHANCES AND RISKS

Ruslan Grinberg¹

Authors affiliation: ¹ Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (Moscow).

Corresponding author: Ruslan Grinberg (grinberg@inecon.ru).

ABSTRACT. The Eurasian Economic Union (EAEU) is an open integration project which is to start working in 2015. Its member states – Russia, Belarus and Kazakhstan – have come to this form of integration not instantly. The CIS goals are mainly declarative by nature, with the integration within the framework of CIS accomplished using a trial-and-error method. The Customs Union is related to the first steps of the economic integration; however, its activities are not always transparent for all the member states. In contrast, EAEU as a regional project can be oriented at forming a union of sovereign states with a single economic, political, humanitarian, military and customs area, i.e. an integration on an institutional level. The reality for the former USSR countries is that by the human development index (HDI) they significantly lag behind successful economies. To solve this problem is up to the programs of joint modernization, support of science and innovative development. This is the only possible way to overcome social and economic barriers and successfully move taking into account the global risks.

KEYWORDS: Customs Union, integration imperatives, Eurasian Union, innovations, sustainable development, economic modernization.

JEL-code: F13, F22, F36, F53.



Материал поступил 4.03.2014 г.